

УДК: 821.161.1:1(47)
ББК 83.3(2=411.2)53:87.3

Юлия Юрьевна Анохина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, научный сотрудник; «Дом А.Ф. Лосева» – научная библиотека и мемориальный музей», старший научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: jul.anokhin@gmail.com

Философская лирика Е.А. Боратынского в восприятии В.В. Зеньковского и С.Л. Франка¹

Аннотация. Рассматривается частный аспект проблемы интерференции философии и литературы. Отражены результаты изучения вопроса о восприятии поэзии Е.А. Боратынского в русской философской мысли. Впервые представлен анализ рецепции лирики Боратынского в трудах прот. В.В. Зеньковского и С.Л. Франка. Исследование осуществлено на материале и хорошо известных работ философов, и таких, которые были введены в научный оборот сравнительно недавно. В частности, анализируется статья Зеньковского «Философские мотивы русской поэзии», а также концепты докладов Франка «Смысл страдания», «О смысле страдания в русской литературе» и его «Этюды о Пушкине». Исследование этих работ позволило реконструировать конкретный пример сложного процесса взаимодействия русской поэзии и философии. Показано, что и Зеньковский, и Франк видели в Боратынском прежде всего современника А.С. Пушкина, поэта-философа, выразившего в своем творчестве пессимистические идеи. Предпринятый анализ позволил высветить и эксплицировать отличия в подходах мыслителей к творчеству Боратынского. Делается вывод, что, в отличие от Зеньковского, сосредоточившегося на определении сущности лирики Боратынского как таковой, на выявлении философских мотивов в его поэзии, Франк обратился к стихотворениям поэта для того, чтобы показать место Пушкина в русской поэзии и, с другой стороны, яснее выразить положения своей собственной концепции страдания.

Ключевые слова: философская лирика Е.А. Боратынского, рецепция поэзии в философии В.В. Зеньковского, феноменология С.Л. Франка, концепция страдания С.Л. Франка, интерференция литературы и философии, взаимодействие русской поэзии и философии, философия Русского зарубежья, романтизм, философские мотивы в русской поэзии

Yuliya Yur'evna Anokhina

Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, researcher, The Library-Museum "A.F. Losev House", researcher, Russia, Moscow, e-mail: jul.anokhin@gmail.com

Yevgeny A. Boratynsky's Philosophical Lyrics in the Perception of Vasily V. Zenkovsky and Semyon L. Frank

Abstract. A particular aspect of the problem of interference of philosophy and literature is considered. This article reflects the results of the ongoing study of the problem of perception of poetry by

---

¹ Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект №17-18-01432-П). This study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No.№17-18-01432-П).

Е.А. Boratynsky in Russian philosophical thought. For the first time, an analysis of the reception of Boratynsky's lyrics in the works of Archpriest V.V. Zenkovsky and S.L. Frank is presented. The novelty of the study is seen in the fact that the stated problem is considered for the first time. The relevance seems to lie in the interdisciplinary nature of the research being undertaken. Appeal to the method of slow reading allows us to reconstruct two specific examples of the complex process of interaction between Russian literature and philosophy. Particular attention is paid to Zenkovsky's article "Philosophical Motives of Russian Poetry", as well as Frank's abstracts "The Meaning of Suffering", "On the Meaning of Suffering in Russian Literature" and his "Etudes on Pushkin". It is shown that both Zenkovsky and Frank saw in Boratynsky, first of all, a contemporary of A.S. Pushkin, a poet-philosopher who expressed pessimistic ideas in his work. At the same time, unlike Zenkovsky, who tried to define the essence of Boratynsky's lyrics as such, Frank turned to the poet's poems in order to determine the place of Pushkin in Russian poetry and, on the other hand, in order to express the provisions of his own concept of suffering more clearly.

Key words: Evgeny A. Boratynsky's philosophical lyrics, the reception of poetry in Vasily V. Zenkovsky's philosophy, Semyon L. Frank's phenomenology, Semyon L. Frank's concept of suffering, interference of literature and philosophy, interaction of Russian poetry and philosophy, philosophy of the Russian Diaspora, romanticism, philosophical motives in Russian poetry

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.118-132

Процесс взаимодействия поэзии и философии многогранен, он включает в себя различные «инварианты». Ярчайший из них выражен в «метафизической поэзии», ставящей онтологически значимые вопросы или содержащей интенцию ответа на них. Прочтение лирики с историко-философских позиций отражается в попытках «встроить» поэтическое произведение в «канон религиозных нарративов»². При таком подходе художественный текст прочитывается как источник религиозно-философских интуиций самого поэта или как написанный под влиянием какой-либо философской традиции³. Еще одна грань процесса интерференции лирики и философии сопряжена с конкретными рецепциями, с проблемой восприятия творчества того или иного поэта отдельными философами. В числе тех поэтов XIX в., к творчеству которых русские мыслители оказались наиболее восприимчивыми, были прежде всего А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев. Лирика «великого Боратынского»⁴ тоже не была оставлена без внимания философов. О ней писал В.С. Соловьев: он полагал, что рефлексия лишает лирику Боратынского гармонии, присущей, например, поэзии А.С. Пушкина или А.К. Толстого. В.В. Розанова заинтересовала личность поэта, поэтому в своих публицистических заметках, в частности в рассуждениях о задачах и

² См.: DeBlasio A. *The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21th Century*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 20 [1].

³ О путях взаимопроникновения философии и поэзии см.: Левит С.Я. Поэтические интуиции и философские мотивы поэзии мысли // *Вестник культурологии*. 2021. № 1. С. 185–207 [2].

⁴ См.: Бродский И.А. Нобелевская лекция // Бродский И. *Сочинения Иосифа Бродского*. Т. I. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 7 [3].

смысле воспитания, о влиянии юношеского проступка на становление личности, философ порой отсылал к биографии Боратынского – чаще всего, к драматичному эпизоду с кражей черепаховой табакерки. Привлекла внимание Розанова и предпринятая критиком И.Л. Леонтьевым-Щегловым попытка доказать, будто в «Моцарте и Сальери» Пушкина прообраз завистника – именно Боратынский. Развернувшаяся в русских журналах начала XX в. полемика по этому вопросу отозвалась и в эмигрантской периодике середины века⁵. Стремление «отстоять» Боратынского выражено в статье критика и поэта Г. Мейера «Баратынский и Пушкин (Вокруг старого спора)»⁶. А вот высланный из России на «философском пароходе» И.А. Ильин спор проигнорировал. Хотя и он, размышляя о «Моцарте и Сальери», вспомнил о Боратынском, но не в контексте межличностных отношений поэтов, а в рассуждениях о гениальности. В статье «“Моцарт и Сальери” (Гений и злодейство) Пушкина» (1941 г.) Боратынский фигурирует как поэт, в чьем творчестве во всей полноте раскрыт мотив вдохновения истинного художника – гения. В целом в работах Ильина творчество Боратынского предстает неотделимым от общего контекста «великой русской поэзии» пушкинской поры⁷.

Ильин не был единственным русским философом, вспоминая о Боратынском за рубежом. О стихотворениях поэта думалось и другим мыслителям, вынужденным эмигрировать: В. Зеньковскому и С.Л. Франку. Их философские построения (как и работы Ильина) относят к религиозному направлению философии русского зарубежья. В центре их систем находится общая тема – христиански понятая «тема о человеке», но осмысливается она различно: в богословском, феноменологическом и метафизическом ключе⁸. На этом фоне представляется интересным выявить специфику в подходах мыслителей к предмету, находившемуся на периферии их интересов, – лирике «поэта мысли» Боратынского⁹.

Наиболее полно о Боратынском Зеньковский высказался в статье «Философские мотивы русской поэзии». Зеньковский планировал включить ее в знаменитую «Историю русской философии» (1948–1950 гг.), но замысел, как он

---

⁵ См. об этом: Анохина Ю.Ю. Личность и поэзия Е.А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX – начала XX века: Вл. Соловьев и В.В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX–первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. М.: Водолей, 2018. С. 310–325 [4].

⁶ Мейер Г. Баратынский и Пушкин (Вокруг старого спора) // Возрождение. 1956. № LIV. С. 104–113 [5].

⁷ См.: Анохина Ю.Ю. Поэзия Боратынского в восприятии И.А. Ильина // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского. М.: Водолей, 2019. С. 480–489 [6].

⁸ Такая классификация предлагается в работе: Ермишин О.Т. С.Л. Франк, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский // Ермишин О.Т. Философия религии: Концепции религии в зарубежной и русской философии. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 200–208 [7].

⁹ Поскольку в статье Зеньковского представлен более общий взгляд на поэзию Боратынского, сначала рассматривается именно она, а уже потом конспекты Франка, которому стихотворения поэта были интересны только с одной точки зрения – выражения в них философии страдания.

сам свидетельствовал, не удался «по разным условиям»¹⁰. Статья «Философские мотивы русской поэзии», как известно, выходила в 1959 году отдельными частями в разных номерах журнала «Вестник русского студенческого христианского движения» (Париж – Нью-Йорк)¹¹. Впервые в России статья была опубликована И.Н. Сиземской в составе антологии «Поэзия как жанр русской философии»¹², а позднее без сокращений включена О.Т. Ермишиным в собрание сочинений философа¹³. Разделив статью на части, Зеньковский посвятил Боратынскому небольшой фрагмент второй главы – «Пушкин и его современники (Баратынский и Веневитинов)». Объединяющим Боратынского и Веневитинова началом оказывается представление о том, что из всех функций поэзии для них наиболее существенна именно «гносеологическая»: для обоих, как пишет философ, «поэтическое творчество было средством мышления»¹⁴.

Характеристика поэзии Боратынского начинается цитатой из его программно-стихотворения «Не ослеплен я музою моею...» (1829 г.): «*Но поражен бывает мельком свет / Ее лица **необщим** выраженьем*». Внимание философа привлекло слово «необщий». В статье слово выделено жирным шрифтом неслучайно – в нем Зеньковский увидел ключ к пониманию лирики Боратынского. По мнению философа, это слово верно определяет место поэта в контексте истории русской лирики: «У него и стиль свой, – писал Зеньковский, – особенный» [8, с. 368]. Возникновение слова «стиль» свидетельствует о том, что философу в равной степени важны и идеи стихотворений Боратынского, и формы их выражения. Выступив апологетом «школы гармонической точности», Зеньковский подчеркнул, что именование «поэт мысли» – характеристика несколько уничижительная, так как она нивелирует художественную ценность стихотворений, и поэтому к Боратынскому, согласно философу, это словосочетание применимо лишь отчасти.

Парадоксально, что, отметив самобытный характер поэзии Боратынского, Зеньковский между тем спутал его с К.Н. Батюшковым. В подтверждение мысли о том, что наполненность поэзии Боратынского идеями не лишает ее художественной ценности, философ процитировал стихотворения Батюшкова «Мой гений». Путаница, вероятно, объясняется влиянием лирики Батюшкова на

---

¹⁰ Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии // Зеньковский В.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1: О русской философии и литературе: Статьи, очерки и рецензии (1912–1961). М.: Русский путь, 2008. С. 353 [8].

¹¹ См.: Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии. Гл. II: Пушкин и его современники (Баратынский и Веневитинов) // Вестник русского студенческого христианского движения. 1959. № 4. С. 12–22 [9].

¹² См.: Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской философии // Поэзия как жанр русской философии. М.: ИФ РАН, 2007. С. 29–58 [10].

¹³ См.: Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии. С. 353–394.

¹⁴ Там же. С. 368.

творчество младшего современника¹⁵ или порождена тем, что Зеньковский, не имея в доступе источников, цитировал стихотворения по памяти – отсюда же и возникающие порой неточности в цитатах. Неточности, допущенные философом, отмечены О.Т. Ермишиным в комментариях к последнему собранию сочинений философа, но в данной статье строчки из стихотворений Боратынского цитируются именно по Зеньковскому, без исправлений, потому что это, думается, позволит нагляднее проиллюстрировать то, как философ воспринял творчество поэта, какой он запомнил его лирику.

Кроме стихотворения «Не ослеплен я музою моей...», в фокусе внимания Зеньковского – еще 8 лирических произведений Боратынского: «Отрывки из Поэмы: Воспоминания» (1819 г.), «Финляндия» (1820 г.), «Богдановичу» (1824 г.), «Смерть» (1828 г.), «Рим» (1821 г.), «Буря» (1824 г.), «Последняя смерть» (1827 г.) и «Последний поэт» (1835 г.). Каждое из этих произведений рассматривается философом в качестве источника представлений о мирозерцании Боратынского.

Зеньковского как историка философии заинтересовали истоки пессимистического мировоззрения Боратынского, но он обнаружил их не в опоре поэта на философские традиции, а в его болезненном психологическом состоянии, выразившемся в раннем стихотворении «Отрывки из Поэмы: Воспоминания». Не назвав это стихотворение, философ писал: «Его душа ранена сознанием бренности всего, – и оттуда глубокая печаль о нем:

Познай же тления незыблемый закон –
Все гибнет, все падет – и грады и державы» [7, с. 368].

У Боратынского: *«Познайте тления незыблемый закон! / Из-под развалин сих вещает глухо он: / “Все гибнет, все падет – и грады и державы”...»* [12, с. 314]. Пропуск строки (возможно сознательный) и употребление формы императива в единственном числе, а не во множественном влекут изменения главным образом в изобразительном плане стихотворения (олицетворение «закон вещает» снимается) и в меньшей степени трансформируют его содержание. В стихах поэта философ увидел свидетельство взаимосвязи между душевной скорбью Боратынского и представлением поэта о скоротечности сущего. Пессимистичные настроения, продиктованные «той же тоской сердца»,¹⁶ философ почувствовал в знаменитой элегии «Финляндия». Любопытно, что современные литературоведы прочитывают это стихотворение иначе: так, Е.П. Кларк видит в «Финляндии» выражение «счастья и душевного спокойствия»¹⁷ (перевод наш. – Ю.А.). В отличие от американской исследовательницы, русский фи-

¹⁵ См.: Рудакова С.В. К вопросу о влиянии Батюшкова на Е.А. Боратынского // *Фундаментальные исследования. Филологические науки.* 2013. № 10 (часть 7). С. 1617–1620 [11].

¹⁶ См.: Зеньковский В.В. *Философские мотивы в русской поэзии.* С. 368.

¹⁷ См.: Clark E.P. *Sharp rays of Thought: Psychological Conflict in The Poetry of E.A. Baratynsky.* PhD Thesis. Chapel Hill, 2012. P. 195 [13].

лософ полагал, что пессимизм – свойство, органически присущее поэзии Боратынского, и что сам поэт это осознавал, о чем, по Зеньковскому, свидетельствует и послание «Богдановичу».

Еще один парадокс в интерпретации Зеньковским лирики Боратынского заключается в том, что философ, как было отмечено выше, посчитав неверным «клеить» Боратынского определением «поэт мысли», при этом отказал ему в способности видеть красоту внешнего мира. Примером стало стихотворение «Рим», о котором философ писал так: «Когда Боратынский попал в Италию, то он просто не заметил, не почувствовал красоты Италии, но остановился вниманием лишь на руинах Рима:

К немым развалинам твоим

Подходит с грустью чуждый посетитель» [7, с. 369]. (В оригинале – *Подходит с грустью их чуждый навеститель* [12, с. 15].)

Философ, как представляется, «попал в ловушку» поэта, воссоздавшего в стихотворении образ римских руин, исходя из впечатлений от прочитанного, а не основываясь на опыте непосредственного созерцания. К моменту создания стихотворения Боратынский еще не видел Италии, оно написано в 1821 году, а поэт впервые оказался в этой стране в конце жизни, в 1844 году¹⁸. Тем не менее для философа мысль о нечувствительности Боратынского к внешним проявлениям красоты стала существенной. Подтверждением этой мысли Зеньковский считал и стихотворение «Буря», о котором писал: «Так и остался Боратынский “чужд” красоте мира» [7, с. 369].

Атрофированность у Боратынского чувства красоты не абсолютизирована: в статье философа поэт предстает «очарованным» другой красотой – той, которой наделена смерть. «Философия смерти» Боратынского, по Зеньковскому, наиболее полно выразилась в стихотворении, которое так и называется – «Смерть». Философ заметил: «Он [Боратынский] приветствует смерть:

О светозарная краса!

В руке твоей олива мира,

А не губящая коса» [7, с. 369].

В статье жирным шрифтом набрано обращение к смерти: так акцентируется внимание на антитезе: *краса далеких стран* (то есть красота мира, жизни) противопоставлена *светозарной красе-смерти*. Главная мысль стихотворения – в том, что красота смерти состоит в ее очищающем, освобождающем и примиряющем началах. Такую «танатологию» Боратынского Зеньковский считал причиной одиночества поэта: «оно [понимание смерти] делает его, как выра-

¹⁸ См.: *Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского*. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 409 [14].

зился Гоголь “чуждым” всему»¹⁹. Слова Зеньковского отсылают к известному суждению Н.В. Гоголя в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «Баратынский, строгий и сумрачный поэт, который показал так рано самобытное стремление мыслей к миру внутреннему и стал уже заботиться о материальной отделке их, тогда как они еще не вызрели в нем самом; темный и неразвившийся, стал себя выказывать людям и сделался чрез то для всех чужим и никому не близким» [15, с. 386–387].

Историософский аспект мотива смерти у Боратынского Зеньковский рассмотрел на примере стихотворения «Последняя смерть». В нем, по словам философа, «поэтическая характеристика разных исторических эпох кончается картиной всеобщей смерти»²⁰. Эсхатологические мотивы, «интуиция всеобщего умирания»,²¹ предстают связанными с неприятием поэтом прогресса и «так называемой цивилизации, успехи которой так раздражают его»²². Иллюстрацией к этим рассуждениям философа служит пространная цитата из стихотворения «Последний поэт», которое Зеньковский оценил высоко, назвав «замечательным».

Стихотворение «Последний поэт» Зеньковский считал показательным с точки зрения отношения Боратынского к духу современной поэту эпохи. Мотив неприятия прогресса, по мысли философа, менее существенен, чем интуиция поэта о духовном упадке современников: важной признается выраженная в стихотворении мысль о том, что «уходит от людей правда, исчезают “ребяческие сны поэзии” и сухая проза царит над всем»²³. Завершая рассуждения о «поэте мысли», Зеньковский сопоставил лирику Боратынского с пушкинской: главный мотив поэзии Боратынского – «неприятие современности и бытия вообще»²⁴ – предстает «остро противостоящим» светлому восприятию мира Пушкина. Такое представление о соотношении поэтических миров Боратынского и Пушкина соответствует взгляду на это соотношение В.С. Соловьёва, которого Зеньковский, как известно, считал своим учителем.

С.Л. Франк – мыслитель, обладавший «космическим виденьем»²⁵, – тоже стремился постичь философское содержание лирики русских поэтов, в частности А.С. Пушкина²⁶ и Ф.И. Тютчева. Однако, как и Зеньковский, ничего специ-

¹⁹ См.: Ермишин О.Т. С.Л. Франк, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский // Ермишин О.Т. Философия религии: Концепции религии в зарубежной и русской философии. С. 369.

²⁰ См.: Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии. С. 369.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 370.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Woobyyer Ph. Semyon Frank // The Oxford Handbook of Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 507 [16].

²⁶ См.: Даренский В.Ю. Пушкин как предмет философской рефлексии: персонологический метод С.Л. Франка // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2017. № 27. С. 123–137 [17]; Петрова Т.Г. Семён Франк об А.С. Пушкине // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

ального не написал о Боратынском. Тем ценнее те чрезвычайно редкие упоминания имени поэта и цитаты из его стихотворений, которые можно обнаружить в обширном наследии философа. Ведь по ним можно составить картину рецепции Боратынского в наследии Франка, точнее – набросок к этой картине.

Интерес к Боратынскому у Франка возник, по-видимому, на фоне пристального внимания философа к творчеству Пушкина и историко-культурному контексту пушкинской эпохи. Поэтому в статье «О задачах познания Пушкина» характеристика творчества Боратынского появляется в качестве «апофатического» определения пушкинской лирики: показав, в чем заключается разница между поэзией Пушкина и Боратынского, философ выразил свой взгляд на сущность пушкинского творчества. Лирика Боратынского полна «тяжеловесно-угрюмой философской рефлексией»²⁷, что, как считал Франк, не свойственно стихотворениям Пушкина. Аналогичную характеристику Боратынскому философ дал во фрагменте «О смысле страдания в русской литературе»: поэт здесь назван «пессимистичным философом русской литературы»²⁸.

Разоблачая распространенное представление о Пушкине как приверженце «легкой поэзии», Франк отмечал, что в эстетических построениях поэта метафизической лирике отводится существенная роль. Основным аргументом, доказывающим эту идею философа, оказывается высокая оценка Пушкиным творчества Боратынского как «поэта мысли». Франк писал, что Пушкин «исключительно высоко – может быть, даже чрезмерно высоко! – ценил стихи Боратынского, именно потому, что Боратынский “всегда мыслит”»²⁹. В этих словах – отсылка к знаменитому пушкинскому высказыванию из неоконченной статьи о Боратынском: «Он у нас оригинален, ибо мыслит»³⁰. Обращает на себя внимание, что пушкинская оценка творчества «поэта мысли» представлялась Франку «чрезмерно» высокой. Благодаря этому замечанию становится понятно, что сам философ в творчестве «поэта мысли» не находил эстетического совершенства.

Определяя место Пушкина в русской поэзии, Франк выдвинул классификацию русских поэтов. Среди них философ выделил два типа – субъективные и объективные. К первым он отнес М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока и С.А. Есенина: им свойственно «исповедание личных душевных переживаний»³¹. Боратынского философ определил ко второму типу – «объективных» поэтов, в творче-

---

зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 103–115 [18].

²⁷ См.: Франк С.Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957. С. 67 [19].

²⁸ См.: Франк С.Л. О смысле страдания в русской литературе // Цыганков А.С., Оболевич Т. Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2019. С. 107 [20].

²⁹ Франк С.Л. Этюды о Пушкине. С. 67.

³⁰ См.: Пушкин А.С. <Боратынский> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 7. Критика и публицистика. 1978. С. 153 [21].

³¹ См.: Франк С.Л. Этюды о Пушкине. С. 81.

стве которых раскрываются «объективные тайны бытия»³². В этом, по мысли Франка, поэзия Боратынского особенно близка тютчевской. В лирике такого типа раскрывается «философская система»³³, мирозерцание поэта. Франк, как и Зеньковский, отметил, что мировоззрение Боратынского пессимистично: художественная философия поэта представлялась мыслителю «философией бессмыслия жизни и обреченности человеческого духа»³⁴. И все же пессимизмом, по Франку, миропонимание поэта не исчерпывается. В финальном этюде о Пушкине «Светлая печаль» философ заметил, что в творчестве Боратынского выразилось «умудренное восприятие трагизма жизни»³⁵. «Мудрость» Боратынского по отношению к драматическим противоречиям бытия сближает его не только с Пушкиным и Тютчевым, но и с таким, казалось бы, далекими от «поэта мысли» творцами, как А.П. Чехов, И.А. Бунин и А.А. Ахматова.

Франк обратился к Боратынскому не только как к современнику Пушкина, но и как к самобытному поэту, в творчестве которого воплотились оригинальные философские идеи – относительно природы страдания. Неслучайно цитаты из стихотворений Боратынского появляются в конспекте доклада философа «Смысл страдания», а прозаический пересказ некоторых произведений содержится в немецкоязычном фрагменте тезисов «О смысле страдания в русской литературе». Г.Е. Аляев и Т.Н. Резвых, опубликовавшие в 2017 году конспект «Смысла страдания», предположительно датируют его 1932–1933 гг.³⁶ Немецкоязычный фрагмент «О смысле страдания в русской литературе» опубликован и сопровождается переводом на русский язык А.С. Цыганкова и Т. Оболевич в 2019 г.³⁷ Как полагают публикаторы, немецкий вариант тезисов «может относиться ко второй половине 20-х – самому началу 30-гг.»³⁸. Отразившаяся в тезисах концепция страдания получила развитие и оформление в более позднем «Непостижимом», однако уже в тезисах прослеживается связь между феноменом страдания и особенно значимой для философа проблемой существования зла³⁹.

Франк в отрывке «Смысл страдания» показал, что в стихотворениях Боратынского, как и в ряде примеров из произведений Пушкина, Тютчева, Некрасова, Достоевского, выражено специфично русское отношение к страданию. Франк выявил три типа различного понимания страдания. Первый – европей-

³² См.: Франк С.Л. Этюды о Пушкине. С. 81.

³³ Там же. С. 82.

³⁴ Там же. С. 81.

³⁵ Там же. С. 126.

³⁶ См.: Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. Человек в глубинах смыслов (три конспекта лекции С.Л. Франка) // Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 67. С. 109–110 [22].

³⁷ Франк С.Л. О смысле страдания в русской литературе. С. 102–108.

³⁸ Там же. С. 103.

³⁹ Проблема зла рассматривается как одна из наиболее значимых проблем «Непостижимого» в статье: Swoboda Ph. J. Semën Frank's expressivist humanism // A History of Russian Philosophy: 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 217 [23].

ский – «отрицает нормальн<ость> стр<адания>»⁴⁰, отсюда стремление западной цивилизации к созданию условий, исключающих страдание. При втором типе – «индусском» – «жизнь целиком есть страдание»⁴¹. Третий тип – «русский» – представляется философу более сложным, и, для того чтобы точнее определить его сущность, он обратился к русской поэзии и к Боратынскому в том числе. Апеллирование к поэзии не является уникальной чертой рассматриваемой работы философа. Г.Е. Аляев и Т.Н. Резвых поясняют: «Обращение к русской литературе, особенно к поэзии ... как ретранслятору глубинных философских смыслов, а также зеркалу национального духа – вообще одна из характерных черт практически всего творчества Семена Франка» [22, с. 114]. Можно предположить, что обращение к поэтическим произведениям не было для Франка модернистской интеллектуальной игрой, а было связано, прежде всего, с его представлением о единстве эстетического, религиозного и философского поиска⁴².

Интересно при этом, что появление имени Боратынского в опубликованных работах Франка, как отмечают исследователи, – почти исключение⁴³. Философ, видевший в Боратынском «певца смерти»⁴⁴, вспомнил о его стихотворениях в процессе разъяснения своего представления о «русском» восприятии страдания. Наиболее показательными, с точки зрения отношения Боратынского к страданию, Франк считал стихотворения «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...» («К Коншину», 1820 г.; 1823–1826 гг.), «Дало две Провиденье...» (1821–1822 гг.), послание «Дельвигу» (1820–1821 гг.) и «Смерть» («О смерть! Твое именованье...», 1828 г.) – отрывки именно из этих произведений содержатся в конспекте «Смысл страдания». В другой работе, в немецком фрагменте «О смысле страдания в русской литературе», философ пересказал прозой только два из упомянутых произведений – «Две доли» и «Смерть».

Полноценно реконструировать то, как Франк интерпретировал названные стихотворения Боратынского, вряд ли возможно, хотя бы уже потому, что фрагменты из текстов поэта расположены на отдельном листе: не вплетаются в тезисы, но к ним примыкают. Видимо, этот листок должен был стать подспорьем в ходе устного выступления. Представляется, что «намекы на индусское

---

⁴⁰ См.: Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. Человек в глубинах смыслов (три конспекта лекции С.Л. Франка). С. 125.

⁴¹ Там же.

⁴² О концепции культуры Франка см.: Obolovitch T. The Philosophy of Culture of Semen Frank and its Significance for the Post-Secular World // Beyond Modernity. Russian Religious Philosophy and Post-Secularism. Eugene, Oregon: Pickwick Publications, 2016. P. 210–224 [24].

⁴³ См.: Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. Человек в глубинах смыслов (три конспекта лекции С.Л. Франка). С. 114.

⁴⁴ См.: Франк С.Л. <Достоевский и кризис гуманизма (конспект лекции)> // Аляев Г.Е., Оболевич Т., Резвых Т.Н., Цыганков А.С. С.Л. Франк о Ф.М. Достоевском: новые материалы. М.: ИФ РАН, 2021. С. 115 [25].

настроение»⁴⁵ философ обнаружил именно в стихотворении «Дельвигу» (строчки из которого выписаны отдельно), поскольку из всех стихотворений, приведенных философом, только в послании «Дельвигу» звучит мысль о том, что страдание неизбежно, но нет и намека на возможность его преодоления.

В строчках из стихотворения «Дало две доли провиденье...» Франк, вероятно, увидел «предупреждение» поэта об иллюзорности «прельстительных» надежд. Фрагмент «О смысле страдания в русской литературе» несколько дополняет представление философа об этом произведении, в нем показано, что стихотворение «Две доли» выражает тоску поэта и объясняет психологическое состояние философически: «Не только охвачен меланхолией, разочарован в жизни (захватывающе отделен), но и дает этому разочарованию философское выражение» [20, с. 103].

И хотя Франк отметил, что лирике Боратынского присущи черты, свойственные «восточному» типу пессимизма, все же философ считал поэта преимущественно выразителем русского типа отношения к страданию. «Высшим» проявлением такого отношения Франк считал идею очищения страданием: «просветление, химическое очищение страдания и превращение его в радость»⁴⁶. Именно такое представление о страдании – как пути к истинной радости, полноте бытия выразилось, по Франку, в послании Боратынского «К Коншину»: *«Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам! / Не испытай его, нельзя познать и счастья...»*. В этом Боратынскому оказывается близок Рильке, которого Франк считал русским по духу⁴⁷.

Анализ напечатанных работ С.Л. Франка показывает, что «поэт мысли» был интересен Франку в двух отношениях: как современник А.С. Пушкина и как самобытный поэт-мыслитель, в чьем творчестве отразилась специфичная концепция страдания. При этом в центре внимания Франка оказываются главным образом ранние стихотворения поэта. В отличие от Франка, Зеньковский останавливается и на ранних произведениях поэта (например, «Финляндия», «Рим»), и на стихотворениях, ставших плодами его уже зрелого творчества («Последняя смерть» и «Последний поэт»). Боратынский в статье Зеньковского «Философские мотивы русской поэзии» предстает поэтом-романтиком, в произведениях которого отразилась идея недолговечности земного бытия. Главными мотивами поэзии Боратынского Зеньковский считал очарованность красотой смерти, а также критику прогресса и цивилизации. Вместе с тем оба мыслителя подчеркивали философичность поэзии Боратынского, а в пессимизме видели доминанту его художественной философии.

Случаи обращения Зеньковского и Франка (как и Ильина) к Боратынскому не были инспирированы специальным интересом философов к его поэзии.

⁴⁵ См.: Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. Человек в глубинах смыслов (три конспекта лекции С.Л. Франка). С. 125.

⁴⁶ Там же. С. 129.

⁴⁷ Там же.

Однако анализ этих случаев показывает, что лирическое наследие одного из ярчайших представителей пушкинской эпохи было освоено русскими философами глубоко и оригинально. Системность, присущая историко-философским трудам Зеньковского, отразилась и на его восприятии творчества Боратынского. Недаром, анализируя стихотворения, Зеньковский сосредоточился в первую очередь на раскрытых в них религиозно-философских интуициях, и вместе с тем поэзия Боратынского встраивается им в контекст русской лирики, выражающей именно метафизические искания авторов. В рассмотренных трудах Франка (особенно в конспектах о страдании) проявляется феноменологическая установка философа на определение сущности явления (страдания) как такового, а стихотворения Боратынского (наряду с поэтическими произведениям других авторов) ему «нужны» как выражающие своеобразный подход к этому явлению. Исследование прагматики обращений философов к поэту позволяет на конкретном примере увидеть, что поэтические интуиции и философские построения представляют собой единый процесс постижения истины.

Список литературы

1. DeBlasio A. *The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century.* Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2014. 216 p.
2. Левит С.Я. Поэтические интуиции и философские мотивы поэзии мысли // *Вестник культурологии.* 2021. № 1. С. 185–207.
3. Бродский И.А. Нобелевская лекция // Бродский И. *Сочинения Иосифа Бродского.* Т. I. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 304 с.
4. Анохина Ю.Ю. Личность и поэзия Е.А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX – начала XX века: Вл. Соловьев и В.В. Розанов о поэте // *Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева.* М.: Водолей, 2018. С. 310–325.
5. Мейер Г. Баратынский и Пушкин (Вокруг старого спора) // *Возрождение.* 1956. № LIV. С. 104–113.
6. Анохина Ю.Ю. Поэзия Боратынского в восприятии И.А. Ильина // *Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского.* М.: Водолей, 2019. С. 480–489.
7. Ермишин О.Т. С.Л. Франк, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский // Ермишин О.Т. *Философия религии: Концепции религии в зарубежной и русской философии.* М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. С. 200–208.
8. Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии // *Зеньковский В.В. Собрание сочинений.* В 4 т. Т. 1: О русской философии и литературе: Статьи, очерки и рецензии (1912–1961). М.: Русский путь, 2008. С. 353–394.
9. Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии. Гл. II: Пушкин и его современники (Баратынский и Веневитинов) // *Вестник русского студенческого христианского движения.* 1959. № 4. С. 12–22.
10. Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской философии // *Поэзия как жанр русской философии.* М.: ИФ РАН, 2007. С. 29–58.
11. Рудакова С.В. К вопросу о влиянии Батюшкова на Е.А. Боратынского // *Фундаментальные исследования. Филологические науки.* 2013. № 10 (часть 7). С. 1617–1620.
12. Баратынский Е.А. *Стихотворения. Поэмы.* М.: Изд-во «Наука», 1982. 738 с.

13. Clark E.P. Sharp rays of Thought: Psychological Conflict in The Poetry of E.A. Baratynsky. PhD Thesis. Chapel Hill, 2012. 286 p.
14. Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 496 с.
15. Гоголь Н.В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Статьи. 1952. С. 369–409.
16. Boobbyer Ph. Semyon Frank // The Oxford Handbook of Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 495–509.
17. Даренский В.Ю. Пушкин как предмет философской рефлексии: персонологический метод С.Л. Франка // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2017. № 27. С. 123–137.
18. Петрова Т.Г. Семён Франк об А.С. Пушкине // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 103–115.
19. Франк С.Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957. 127 с.
20. Франк С.Л. О смысле страдания в русской литературе // Цыганков А.С., Оболевич Т. Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2019. С. 102–108.
21. Пушкин А.С. <Баратынский> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 7. Критика и публицистика. 1978. С. 153–155.
22. Аляев Г.Е., Резвых Т.Н. Человек в глубинах смыслов (три конспекта лекции С.Л. Франка) // Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 67. С. 107–133.
23. Swoboda Ph. J. Semën Frank's expressivist humanism // A History of Russian Philosophy: 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 205–223.
24. Obolevitch T. The Philosophy of Culture of Semen Frank and its Significance for the Post-Secular World // Beyond Modernity. Russian Religious Philosophy and Post-Secularism. Eugene, Oregon: Pickwick Publications, 2016. P. 210–224.
25. Франк С.Л. <Достоевский и кризис гуманизма (конспект лекции)> // Аляев Г.Е., Оболевич Т., Резвых Т.Н., Цыганков А.С. С.Л. Франк о Ф.М. Достоевском: новые материалы. М.: ИФ РАН, 2021. С. 110–118.

References

(Sources)

Collected Works

1. Brodskiy, I.A. Nobelevskaya leksiya [Nobel Lecture], in Brodskiy, I.A. *Sochineniya Iosifa Brodskogo, t. 1* [Joseph Brodsky's writings, vol. 1]. Saint-Petersburg: Pushkinskiy fond, 2001. 304 p.
2. Gogol', N.V. V chem zhe nakonets sushchestvo russkoy poezii i v chem ee osobennost' [What is the essence of Russian poetry and what is its peculiarity], in Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t., t. 8: Stat'i* [Collected Works in 14 vol., vol. 8: Articles]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. 816 p.
3. Pushkin, A.S. <Baratynskiy>, in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: Kritika i publitsistika* [Collected Works in 10 vol., vol. 7: Critical and journalistic works]. Leningrad: Nauka, 1978. 543 p.
4. Zen'kovskiy, V.V. Filosofskie motivy v russkoy poezii [Philosophical motives in Russian poetry], in Zen'kovskiy, V.V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1: O russkoy filosofii i literature: Stat'i, ocherki i retsenzii (1912–1961)* [Collected works in 4 vol., vol. 1: On Russian Philosophy and Literature: Articles, Essays and Reviews]. Moscow: Russkiy put', 2008, pp. 353–394.

Individual Works

5. Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems]. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 1982. 738 p.
6. Ermishin, O.T. S.L. Frank, I.A. Il'in, V.V. Zen'kovskiy [S.L. Frank, I.A. Il'in, V.V. Zen'kovskiy], in Ermishin, O.T. *Filosofiya religii: Kontseptsii religii v zarubezhnoy i russkoy filosofii* [Philosophy of Religion: Concepts of Religion in Foreign and Russian Philosophy]. Moscow: PSTGU, 2009, pp. 200–208.
7. Frank, S.L. <Dostoevskiy i krizis gumanizma (konspekt lektzii)> [Dostoevsky and the crisis of humanism (lecture summary)], in Alyaev, G.E., Obolovich, T., Rezvykh, T.N., Tsygankov, A.S. *S.L. Frank o F.M. Dostoevskom: novye materialy* [S.L. Frank about F.M. Dostoevsky: new materials]. Moscow: IF RAN, 2021, pp. 110–118.
8. Frank, S.L. *Etyudy o Pushkine* [Essays on Pushkin]. Myunkhen, 1957. 127 p.
9. Frank, S.L. O smysle stradaniya v russkoy literature [On the meaning of suffering in Russian literature], in Tsygankov, A.S., Obolovich, T. *Nemetskiy period filosofskoy biografii S.L. Franka (novye materialy)* [The German period of S.L. Frank (new materials)]. Moscow: IF RAN, 2019, pp. 102–108.
10. *Letopis' zhizni i tvorchestva E.A. Boratynskogo* [Chronicle of the life and work of E.A. Boratynsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 496 p.
11. Meyer, G. Baratynskiy i Pushkin (Vokrug starogo spora) [Baratynsky and Pushkin (Around the old dispute)], in *Vozrozhdenie*, 1956, no. LIV, pp. 104–113.
12. Zen'kovskiy, V.V. Filosofskie motivy v russkoy filosofii [Philosophical motives in Russian poetry], in *Poeziya kak zhanr russkoy filosofii* [Poetry as a genre of Russian Philosophy]. Moscow: IF RAN, 2007, pp. 29–58.
13. Zen'kovskiy, V.V. Filosofskie motivy v russkoy poezii. Glava II: Pushkin i ego sovremenniki (Baratynskiy i Venevitinov) [Philosophical motives in Russian poetry. Chapter II: Pushkin and his contemporaries (Baratynsky and Venevitinov)], in *Vestnik russkogo studentcheskogo khristianskogo dvizheniya*, 1959, no. 4, pp. 12–22.

(Articles from Scientific Journals)

14. Alyaev, G.E., Rezvykh, T.N. Chelovek v glubinakh smyslov (tri konspekta lektsii S.L. Franka) [A Man in the depths of meaning (three Simon Frank's lecture notes)], in *Vestnik PSTGU. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2017, issue 67, pp. 107–133.
15. Darenskiy, V.Yu. Pushkin kak predmet filosofskoy refleksii: personologicheskiy metod S.L. Franka [Pushkin as a subject of philosophical reflection: the personology method of S. Frank], in *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskiy al'manakh*, 2017, no. 27, pp. 123–137.
16. Levit, S.Ya. Poeticheskie intuitsii i filosofskie motivy poezii mysli [Poetic intuitions and philosophical motives of poetry of thought], in *Vestnik kul'turologii*, 2021, no. 1, pp. 185–207.
17. Petrova, T.G. Semen Frank ob A.S. Pushkine [Semyon Frank about A.S. Pushkin], in *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7. Literaturovedenie: Referativnyy zhurnal*, 2019, no. 3, pp. 103–115.
18. Rudakova, S.V. K voprosu o vliyaniy Batyushkova na E.A. Boratynskogo [To the question about the influence of K.N. Batyushkov on E.A. Boratynsky], in *Fundamental'nye issledovaniya. Filologicheskie nauki*, 2013, no.10, issue 7, pp. 1617–1620.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

19. Anokhina, Yu.Yu. Lichnost' i poeziya E.A. Boratynskogo v russkoy filosofskoy mysli kontsa XIX – nachala XX veka: VI. Solov'ev i V.V. Rozanov o poete [Personality and poetry of E.A. Boratynsky in Russian philosophical thought of the late XIX – early XX century: VI. Solovyov and V.V. Rozanov about the poet], in *Literatura i religiozno-filosofskaya mysl' kontsa XIX – pervoy trety XX veka. K 165-letiyu Vl. Solov'eva* [Literature and religious and philosophical thought of the late 19th –

first third of the 20th century. To the 165th anniversary of V.I. Solovyov]. Moscow: Vodoley, 2018, pp. 310–325.

20. Anokhina, Yu.Yu. Poeziya Boratynskogo v vospriyatii I.A. Il'ina [The poetry of Boratynsky in the perception of I.A. Ilyin], in *Literatura i filosofiya: Ot romantizma k XX veku. K 150-letiyu so dnya smerti V.F. Odoevskogo* [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. To the 150th anniversary of the death of V.F. Odoevsky]. Moscow: Vodoley, 2019, pp. 480–489.

21. Boobbyer, Ph. Semyon Frank. The Oxford Handbook of Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2020, pp. 495–509.

22. Obolevitch, T. The Philosophy of Culture of Semen Frank and its Significance for the Post-Secular World, in *Beyond Modernity. Russian Religious Philosophy and Post-Secularism*. Eugene, Oregon: Pickwick Publications, 2016. P. 210–224.

23. Swoboda, Ph. J. Semën Frank's expressivist humanism, in *A History of Russian Philosophy: 1830–1930*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 205–223.

(Monographs)

24. DeBlasio, A. The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2014. 216 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

25. Clark, E.P. Sharp rays of Thought: Psychological Conflict in The Poetry of E.A. Baratynsky. PhD Thesis. Chapel Hill, 2012. 286 p.